

Персона

Евгений ГРИШКОВЕЦ:

Мой персонаж лучше меня

Без слов

— Это все было направлено на создание счастливого артиста, который не является артистом в чистом виде. Делалось это так: мы взяли карту мира и стали вспоминать связанные с разными странами мифы. Нам было страшно весело. Отчасти это объяснялось тем, что дело происходило в городе Кемерово — и к тому же зимой.

А зрителям было хорошо из-за того, что на сцену вышел счастливый человек — Паша Колесников. Потом он уехал в Волгоград, сделал карьеру — маркетолога в крупной сети универмагов — и стал довольно несчастным. Прошло время, мы опять начали общаться с Пашей, и я все время думал о том, как порадовать других и самим порадоваться — такое было счастье делать эти спектакли! Тогда я впервые предложил актерам свой текст. До этого я занимался пантомимой и как в тюрьме сидел.

— Как вы, филолог, дошли до жизни такой?

— Другого образования, которое было бы ближе всего к моему искусству, в Кемерово я не нашел. У меня и мысли не было поступать в какое-то театральное. Я и не знал театра, и не привлек к нему... Да и моя карьера... Сейчас я успокоился на этот счет, а лет пять назад и не предполагал, что буду говорить со сцены, не избавившись от этого дефекта.

— А вы хотели говорить со сцены?

— Нет. В то время не было таких мыслей. Я не видел людей, говоривших со сцены, которые мне нравились бы.

Как существует театр в городе Кемерово? Это здание в центре города. С фонтаном. В кабинете литературы нам давали билеты на спектакли, которые подпадали под школьную программу. Мы шли туда — и там страдали.

Все это было от меня так же далеко, как и люди на киноэкране. Я не мог этого хотеть. Но в 1983 году, в зимние каникулы, я поехал в Томск (Томск и Новосибирск — сибирские Санкт-Петербург и Москва). Там я ходил в студию пантомимы и был потрясен атмосферой маленького театра, где всего пятьдесят зрителей. И я заболел этим делом — по-настоящему, до температуры. Достал несколько книжек, занялся дома, потом нашел плохонькую студию пантомимы в одном институте в Кемерово. И ходил туда, и очень быстро осваивал технику.

А потом я решил: учитель словесности в забытой стране — очень хорошее дело. И пошел поступать на филфак. Абитуриентом принимал такой забавный педагог, симпатичный, хорошо одетый...

— Это имело значение?

— Имело. Я видел, что это не изматанный мелкий ученый профессор с портфелем, заматанным изоляцией, а человек, относящийся к жизни со вкусом. Он сказал: «Мы здесь будем книжки читать. Это такая профессия —

читать книжки. Только надо уметь это делать».

Но у меня был всего один курс счастья, потом забрали служить. А после армии уже была куча претензий к себе, стране, пантомиме, филологическому образованию и университету вообще.

— Куча претензий выразилась в поступке?

— К тому времени сформировалась небольшая программка пантомим, сочиненных мною или же у кого-то подсмотренных. Мы занимались языковым феноменом пантомимы — я всерьез и с удовольствием изучал теорию литературы и лингвистику. Мы сделали программу, неисповедимым образом попали на фестиваль в Ригу, в Риге у нас был успех. И я на некоторое время бросил университет и стал заниматься театром.

В 1988-м я вернулся с Тихоокеанского флота, а через год решил эмигрировать. Тогда было много мифов о том, что Австралия, Аргентина и ЮАР ждут влияния духовной русской крови... И в 1989 году мы выехали в ГДР, дожидались, пока рухнет Берлинская стена, и рванули на Запад. Чтобы прокормиться, мы играли пантомимы. Я выступал в Западном Берлине, на Курфюрстендамме, и зарабатывал двадцать-тридцать марок часа за два.

● БЛИЦОПРОС

- Что вы не любите больше всего на свете?
- Не люблю, когда есть неразрешимая в данный момент конфликтная ситуация.
- Если бы вы не были Гришковцом, в каком амплуа вы хотели бы прожить жизнь?
- Хотел бы сниматься в фильмах про войну и играть уставших солдат. А каких — неважно.
- В каком городе вы хотели бы прожить жизнь?
- Такого города нет.

Во второй раз я удрал в Германию в 1998—1999 годах, когда меня взял с собой Андрей Могучий. Я тогда маялся. «Как я съел собаку» уже было довольно известным спектаклем, но мне за него еще ни разу не заплатили денег. Ни разу.

— Но он же с таким успехом шел в Москве!

— Первые билеты на меня были проданы в январе 2000 года.

— Так не бывает.

— Клянусь вам. Коммерческую ставку на меня стали делать только после того, как я получил «Маску».

— Как же вы жили?

— Ужасно. В течение двух лет, приезжая в Москву, я жил у моего друга Саши Вислова. Он же помог мне поехать в Питер, я его сдал и ехал в плацкартом. Первый гонорар я получил в январе 2000-го и сразу после этого — премия «Антибука».

— А в марте была «Золотая маска». Только в сезоне 2001/02 года у меня начались регулярные спектакли в Москве.

— А у меня-то было ощущение, что вы успешный, изначально раскрученный человек...

Еще недавно о Евгении Гришковце никто ничего не знал, а нынче он человек сверхпопулярный. Такой стремительной творческой карьеры в последние годы не было — застенчивый провинциал стал звездой. Гришковец вошел в большую московскую моду: билеты на его выступления стоят около пятидесяти долларов, да их еще и не достать. Гришковец гастролирует по стране, Гришковец выступает на Западе — и немецкие бюргеры млеют от его моноспектаклей: «Как я съел собаку» и «Дредноуты» стали международными хитами. Картавый, застенчивый человек рассказывает о своем октябрьском детстве и о том, как он служил матросом на Тихоокеанском флоте, а благополучнейшие западные люди получают от этого острое удовольствие. Почему так происходит, лично мне не ясно. Недавно он показал Москве «Гришковца без Гришковца»: в спектакле «Титаник», поставленном им около десяти лет назад в далеком городе Кемерово, на сцену вышел его бывший артист, ныне вологодский менеджер. И пришедшей на «Титаник» избалованной московской публике стало очень хорошо. Корреспондент «Известий» попытался выяснить у создателя спектакля, что же такое он избрал в 1992 году в самодеятельном театре города Кемерово.

— Нет-нет. В 1998 году я переехал в Калининград и оттуда начал ездить в Москву. Тогда я искал какую-то приемлемую жизненную модель...

— Но ведь к этому времени у вас уже был свой театр в Кемерово.

— В 1990 году по пути из Германии я, несостоявшийся эмигрант, познакомился в поезде с председателем кемеровского Союза художников. Мы разговорились, выпили, я сказал, что хочу сделать театр, да нет помещения: «Так бери выставочный зал!»

Из-за этого у него впоследствии было очень много проблем.

И начал делать театр. При этом я понимал, что не умею ставить спектакли, и наша первая работа («Мы плывем») была бессловесной. Ее мы готовили год. Успели съездить на фестиваль в Челябинск и получили там хорошие отклики. После этого нас из сделанного нами театра выгнали, и мы перешли под крышу политтехнологического факультета. И год строили новый театр: папа покупал мне кирпичи и доски, а я за пятьсот рублей купил старый свет: фонари шестидесяти пятиго и шестидесяти шестого года выпуска... Там мы поставили спектакль «Титаник», не так давно показанный в Москве.

смысленным фестивалям самодеятельных театров.

И ничего другого не придумал, как просто уехать. Город уже не давал работать — мои последние спектакли не были понятны публике. Все видели какой-то странный стиль, понимали, что это забавно, умно, изящно сконструировано, — но впечатления они не производили никакого. И я уехал. Я собирался поступать на юридический — чтобы стать модным адвокатом. Мне надо было кормить жену и ребенка.

— Жена у вас тоже кемеровская филфаковка?

— Да. Я возвратился со службы, а она как раз училась в моей группе на филфаке. Но это было совсем не похоже на встречу студентки с изголодавшимся по женской ласке матросом. Мы поженились не очень скоро — через пять лет. Это был не такой уж скоропалительный шаг... Мне с ней повезло.

— Почему вы уехали в Калининград? Там были родные?

— Вообще никого не было.

— Значит, вы уезжали во внутреннюю эмиграцию — так, как когда-то в Прибалтику ехали?

— Я не ехал куда-то, я ехал откуда-то. А Калининград был более или менее удобным местом. Это чудесный город, я его очень люблю.

— Но надо же было где-то голову приложить?

— Я купил себе в Калининграде достойное жилье.

— Как же вы заработали деньги на квартиру?

— Я был руководителем театра, известным человеком в городе. В Кемерово я был успешен, я работал, и у меня были кое-какие накопления. Потом у нас в театре родился небольшой бар — там была очень хорошая музыка и устраивались концерты. Это приносило средства, но очень много времени отнимало. Время вылетало в трубу — да и актеры работали со мной уже по привычке.

И я уехал в Калининград, чтобы заострить свою жизненную ситуацию. Других причин в этом выборе — кроме того, что там море и хороший климат, — не было. Просто мне стало невыносимо в Кемерово. И не по той причине, что это Кемерово, а просто невыносимо.

Из Калининграда я ездил в Москву и тут как-то мыкался. А все остальное — с 2000 года — было уже на ваших глазах.

Москва — город предельный

— В нашей стране есть два мифа: миф о Москве, единственном русском городе, где можно и нужно жить, и миф о покоряющих столицах провинциалах. Вы провинциал уникальный: завоевав Москву, москвичком так и не стали. Как менялось ваше восприятие Москвы, как вы стали относиться к провинции?

— Мое отношение к Москве изменилось, когда перестал ездить по ней на метро — до этого оно было неприятным. Я приезжал в Москву, и мне было надо что-то купить, с кем-то встретиться: люди деликатно находили для меня какие-то минуты, но было видно, что я оторвал их от работы. Отсюда и миф о вечно занятых москвичках...

Как только у меня появилось московское дело, московские маршруты, люди, которые меня здесь жгут и мне рады, и я начал ходить по Москве пешком, отно-

● СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Евгений Гришковец родился в 1967 году в городе Кемерово. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Создал студенческий театр «Ложа». С 1998 года живет в Калининграде. Автор театральных текстов, режиссер и исполнитель; лауреат двух премий «Золотая маска», премии «Антибука» и «Триумф».

шение к этому городу изменилось. Но переезжать сюда и связываться с московскими жилищными и коммунальными проблемами я не хочу — они решаются сложнее, чем где-либо, и требуют огромных затрат. Оставаться в Калининграде и летать в Москву самолетом дешевле, чем жить здесь. К тому же я не люблю московских многоэтажек — в них у меня нет ощущения дома.

Чем больше мне нравится Москва, тем лучше я отношусь к провинции — и, кстати, к заграничье. Находясь в комфортных, давно сложившихся европейских условиях, где нет беспрерывных отечественных изменений, я с радостью жду возвращения — и дорога от «Шереметьева-2» до центра Москвы больше не удручает.

А в провинции ощущаю себя москвичом. Но узнав, что я из Кемерово и в Москве не живу, люди заводят обычные разговоры о Москве: все деньги там; все уходит туда; я там был, и мне не понравилось; что я, Москву не знаю; и еще летчер Лужкова, он этим и пользуется...

Я не говорю, что он хороший, но эти разговоры не поддерживаю: куда все идет, я не знаю, и что мне Лужков?..

Но Москва действительно предельный город — что уж тут говорить...

— Что значит — «предельный»?

— Человек начинает движение из своего родного маленького города в больший, затем в еще больший, и наконец он оказывается в Москве. Тут находится предел того, что возможно в России: если Москва его не устроит, дальше движение будет в Нью-Йорк или Токио. Предел.

Не любить Москву провинциалу легко. Этим зашищается собственный масштаб и систему координат — а Москва их очень сильно размывает. Она обижает провинциального человека: здесь на него никто не обращает внимания. В глаза тут никому не заглядывают. Провинциалу трудно сказать: «Я люблю Москву» — это похоже на идеализм, тут всегда есть много отговорок... Но мой случай — другой: в Москве живет моя публика, те, кто меня любит и ждет.

А в провинции, в не самом красивом городе Кемерово, прошла моя юность — и я не могу сказать о ней плохо.

— Я никогда не понимал, почему ваши тексты так хорошо чувствуются на Западе — человек рассказывает, как он служил на каком-то непонятном тихоокеанском острове, а немцам от этого хорошо...

— Был курьезный случай — после спектакля на пресс-конференции остались человек десять русских и примерно пятьдесят немцев. Наши сказали примерно

● ПРЕСС ПРЕССЫ

«...На сей раз Евгений Гришковец говорит не о нас, а о больших кораблях. Он поставил себе очень умозрительную задачу и не сумел ее решить: чуда не получилось, обожающая Гришковца публика хлопала ему голову за то, что он Гришковец — немного сутулый, чуть-чуть нескладный, обаятельный и ни на кого не похожий».

«Известия», 20 ноября 2001 г.

«В последнее время Евгений Гришковец стал человеком в театральных кругах знаменитым и модным... Казалось, что тексты его воспринимаются лишь на слух, а в напечатанном виде будут нелепы и корявы, как расшифрованная магнитофонная запись. Оказалось, что они сохраняют свое обаяние и в книге».

«Итоги», 18 декабря 2002 г.

то же, что и вы, а немцы возмутились — да что вы говорите! Это о нас!

Там я стараюсь убирать всю русскую экзотику, и — это меня так удивило! — немцы уверяют, что в моих спектаклях их поражает сочувствие европейцу. Они говорят: «Мы сами привыкли всем сочувствовать. Сочувствовать бедной России, сочувствовать Америке, за то что она бездуховная, — а вы сочувствуете нам...» А я с этой точки зрения свои тексты и не рассматривал и был удивлен, наткнувшись на их комплекс...

Они меня всерьез спрашивали: «Как вы это играете в России без переводчика? Ведь это невозможно».

К тому же на Западе мои спектакли оказываются другими — там я все рассказываю переводчиком, и он тоже становится персонажем.

— Сейчас вы, насколько я понимаю, абсолютно востребованный, гастрольный человек: поездки на Запад, выступления в России...

— Больше всего я люблю ездить в Сибирь и на Урал.

Плоды любвиотства

— Наедине с собой в Калининграде или Москве вы, наверное, остаетесь редко?

— Поездок очень много, но все равно каждый месяц выпадает по крайней мере неделя дома. Если бы я жил в Москве и, уходя с утра, возвращался, когда жена с дочкой уже спят, и проводил бы с ними не больше времени. А так я приезжаю — и целую неделю с семьей: телефон молчит, никто меня нигде не зовет. В Москве очень сложно отказать от не очень обязательных дел. А в Калининграде я от них далеко.

— Мне казалось, что ваше искусство — вещь нежная, рождающаяся на глазах у зрителя и не выносящая тиражирования...

— Когда я играл два раза в месяц, на фестивалях, мои спектак-

ли были значительно хуже. Потому началась регулярная игра — раз в три дня, и я испытывал ужас усталости, почувствовал, что началось закрепление материала, и моя игра мне не нравилась. Только в моих спектаклях их поражает сочувствие европейцу. Они говорят: «Мы сами привыкли всем сочувствовать. Сочувствовать бедной России, сочувствовать Америке, за то что она бездуховная, — а вы сочувствуете нам...» А я с этой точки зрения свои тексты и не рассматривал и был удивлен, наткнувшись на их комплекс...

Они меня всерьез спрашивали: «Как вы это играете в России без переводчика? Ведь это невозможно».

К тому же на Западе мои спектакли оказываются другими — там я все рассказываю переводчиком, и он тоже становится персонажем.

— Сейчас вы, насколько я понимаю, абсолютно востребованный, гастрольный человек: поездки на Запад, выступления в России...

— Больше всего я люблю ездить в Сибирь и на Урал.

— Мне казалось, что ваше искусство — вещь нежная, рождающаяся на глазах у зрителя и не выносящая тиражирования...

— Когда я играл два раза в месяц, на фестивалях, мои спектак-

которые будет очень приятно слушать, когда едешь по городу и стоишь в пробках.

На малой сцене МХАТа выйдет спектакль под названием «Осада» — там будут играть пять молодых актеров, а на сцене не появится. Я выступлю в роли автора текста и спектакля.

— Мне кажется, что на сцене вы не Гришковец, а собственный персонаж, талантливо прикидывающийся Гришковцом: немного неловким, неуклюжим, растерянным... А на самом деле вы очень хитрый.

— Персонаж, конечно, лучше меня. Он не стесняется, он ничего ни от кого не ждет. Персонаж начинается в начале спектакля, а в конце спектакля заканчивается — и аплодисменты получаю я, а не он. Но если бы во мне была та хитрость, о которой вы говорите... Поверьте, я все время переживаю из-за своей мнительности и житейской несметливости. Я более или менее научился себя сдерживать, но когда устаю, могу сорваться и наговорить глупостей. Сейчас это усебляется и количеством случайного общения — от этого постоянно возникают какие-то шероховатости.

После «Титаника» ко мне подошел человек и сказал: «Я смотрел ваши прошлые спектакли, и это было замечательно. А что вы нам сейчас показали? Какую-то самостоятельность...»

Ну вот как это? Человек сказал, что я идиот. Я обиделся на него. Я ответил: «Что вы гордитесь? Как вы вообще можете сразу после спектакля мне, совершенно беззастенчивому, говорить гадости? Пожалуйста, уйдите отсюда». Я видел, что спектакль порадовал людей, но этот человек долго не выходил у меня из головы. Хитрости и отстраненности я бы для себя очень хотел...

Но мой персонаж все равно лучше меня.

Алексей ФИЛИППОВ

Идентификация: 1 — Вячеслав Петкун, 2 — Евгений Гришковец